

ЛИДЕР

МАЭСТРО УСПЕХА

Марина ТОКАРЕВА

МХАТ открыл сто седьмой сезон. Пятый — под руководством Олега Табакова. Те, кто злорадно или с ужасом ждал его провала, жестоко просчитались: Табаков за четыре года триумфально продемонстрировал: театр по-прежнему — краткая летопись времени. Нашего в том числе. МХАТ в смутную пору второго пришествия русского капитализма — сверкающее свежей амальгамой зеркало, в котором отражаемся мы с вами. Так вглядимся пристальнее.

**Олег умер.
Да здравствует Олег!**

Ефремов стоял во главе МХАТа тридцать лет. Прирожденный лидер, умный политик, мощный артист, вопреки всему стремился сохранить главную составляющую легенды — веру в высшую ценность идеальных начал. И ему — в сомнениях, исканиях, приступах «болезни», в поздних тяжелых недугах — удавалось. Масштаб Ефремова, человеческий, творческий, оставался бесспорен даже в самые трудные для театра годы. Но жизнь положивший на реформы в театре и стране, Ефремов ушел, не примирившись с наступившим временем. Казалось, оно должно было стать его эпохой. А стало — эпохой Олега Табакова. Место Ефремова занял ученик, многолетний спутник — и антипод.

Табаков принял обремененное наследство: ветшающее здание, отвыкшая от дисциплины труппа. Но к 65-ти годам у него за плечами ходы, прорывы во все уровни российской бюрократии, толстый желтый портфель директора «Современника», навыки руководства комсомольской и партийной организациями, опыт расхождений с властью и победный проект рыночных лет — строительство «Табакерки». На мхатовском троне, на рубеже веков воссияла звезда сцены, театральной педагогики и менеджмента.

Из театра вынесены пустые бутылки, из бывшего кабинета Ефремова — книги. Затем Табаков создал правление (возникшее еще при основоположниках, избираемое «всемирным» тайным голосованием), честно объявил, что в демократию на театре не верит, выставил всем шампанское и распустил. От последнего актерского курса Ефремова в коллективе оставил четверых.

Сто седьмой сезон МХАТ встретил без буквы А в названии (советский пережиток), ефремовского фойе (девятью метрами, на которых размещались макеты, костюмы, фотографии и документы, связанные с тремя десятками лет правления Олега Николаевича) и народного артиста Виктора Гвоздичко — Сирано в предсмертном спектакле Ефремова. Занавес над вчерашним МХАТом опущен.

**Капитальный ремонт
легенды**

За четыре года Табакову удалось изменить жизнь и репертуар МХАТа радикально. Рассказывают, некогда в «Современник» приехал великий Гротовский. На банкете в его честь царил Табаков. Слушая его, Гротовский вдруг сказал сидящим рядом: «Замечательный артист! Но работать с ним я бы не хотел — у него нет вопросов к жизни».

МХАТ сегодня — два десятка новых спектаклей в афише. Новые режиссеры, актеры, контракты. Табаков благодаря связям и обаянию привел в театр больше денег. Государственные и частные. Его персональный миф осознан на всех уровнях — от продавщиц до президентов.

— С вами говорит Олег Табаков!

Эта фраза для страны обладает магией «сезама». Мастер дипломатии и фандрайзинга (по-простому, добывания средств), Табаков в любых контактах беспрепятствен и азартен. Устройство власти со всеми вытекающими из нее последствиями

изучено досконально; в умении «решать вопросы» он несравненен. В итоге МХАТ преобразился внутренне и внешне. Несмотря на чехарду в дирекции и среди подрядчиков, размах ремонта очевиден. Лестница, которую Станиславский требовал затянуть солдатским сукном, чтобы шум не мешал процессу, теперь сложена из гулкого португальского мрамора. На окнах — стеклопакеты. Дубовую дверь по эскизу Шехтеля, последний подлинник в театре, выдержав скандал с управлением по охране памятников, реставрировать так и не стали. Просто сняли ее, заменив на новую, «по мотивам». Выбор в пользу «новодела» тотален: вчера еще дом, сегодня МХАТ похож на гостиницу с евроремонтом.

Труппа — семьдесят с лишним человек — сцементирована самым крепким клеем современности — деньгами. Зарплата драматических артистов для России (да и Москвы) беспрецедентна и исчисляется в «зеленых». Введены персональные надбавки для тех, кем художественный руководитель особо доволен.

Каждое утро для него начинается с кассовой рапортницы. Сколько продано билетов, как был вчера заполнен зал? Если плохо, худо будет и администрации, и авторам спектакля. Но зал, как правило, полон. Имя Табакова открывает кредит, ведь он сам только раз становился событием искусства. Официальная цифра, предмет гордости — 94,7%. Кассой меряется всё. Пульс ее показывает градус востребованности, а значит, по мнению Табакова, здоровья или болезни театрального организма.

Табаков заставил театр отказать от старой религии «художественников» — основоположников и принять новую — религию Успеха, которую он исповедует всю жизнь, чья истинность определена двумя главными составляющими — модой и деньгами.

**«Славянский базар»
в Камергерском**

Табаков фантастически работоспособен: пьесы читает, и.о. директора ведет, снимается (один его съемочный день стоит тысячи долларов). Говорят, когда-то в молодости его дразнили Лелик-обжора. «Обжорой» он и остался — и не только как завсегдатей лучших ресторанов. Ненасытно смотрит все стоящие спектакли. Ведет переговоры со всеми «засветившимися» режиссерами. Неустанно ищет актеров. К его услугам — весь ресурс «Табакерки»: часть молодых звезд МХАТа — из учеников Олега Павловича. Другие, как дик-

Олег Табаков — удачливый купец в пьесе Островского «Последняя жертва»

«СЛУШАЯ ТАБАКОВА, ГРотовский вдруг сказал сидящим рядом: «Замечательный артист! Но работать с ним я бы не хотел — у него нет вопросов к жизни»»

тует мода, взяты из второй столицы.

Некогда Ефремов запустил обиход мэтров режиссуры сегодняшнего дня — Додин, Гинкас, Виктук, Чхеидзе. У Табакова тоже есть своя обихода — Серебренников, Карбаускис, Чусова, Женовач, Нежекина... Кто для экспериментов, кто для кассы, кто для брэнда. На сценах театра ставят Шапиро и Чхеидзе, Марин и Врагова, Козак и Скорик...

Направление? Форма, смысл? Не существенны. Оборотистый и прагматичный, Табаков стремится приобрести всё, что приглянулось. Его чутье на успех феноменально, а «искренность» общеизвестна. В один и тот же миг он со страстью и пафосом доказывает публично, как важно сохранять театр-дом. И рушит «дома» коллег, перекупая актеров, на которых держится репертуар.

От мальчика с воротничком 37-го размера до нынешнего вальяжного эпикурейца («Думаете, если я похож на бегемота, я и внутри такой?! Не-ет, я всё-оо понимаю!») — строго предупредил он недавно труппу) — длинный путь. Возглавив МХАТ, Табаков сделал его феноменом эпохи потребления, создал новый «Славянский базар», где, как в сегодняшней Москве, есть всё.

Стратегия табакковского выбора укладывается в одно

слово — «всеядность». Некогда художественный и общедоступный, сейчас сделал выбор в пользу последнего. Но зато, объявил Табаков, будут отреставрированы могилы на Новодевичьем кладбище. Деяние благородное. И — знаковое. Самое время проявить почтение к «отеческим гробам», в которых, боюсь предположить, изверглись основоположники.

«Мы спустились до этого чудовища, публики» — горько писал Немирович-Данченко, не предполагая, что потомки спустятся много ниже. В репертуаре возник спектакль, на который не допускаются дети до 16-ти. Десятиминутный монолог (талантливо сыгранный) — сплошной мат. Здесь больше не страшатся грубости на сцене — в ней, радуясь, узнает себя нарастающая грубость жизни.

Нынешнее поколение режиссуры нарушает все табу, какие только может придумать, и вовсю поддается лукавому бесу самовыражения. Но, как говаривал король Лир (которого сейчас приехал ставить во МХАТе знаменитый Тадаши Сузуки), «...из ничего и выйдет ничего!»... Главный феномен нынешнего МХАТа — с очередями, аншлагами, ломовыми сборами и аплодисментами, — мертвый воздух сцены.

Какой спектакль ни возьми — «Последнюю жертву» Ере-

мина, где Табаков играет самого себя, «Мещан» Серебренникова, «Вишневый сад» Шапиро, — всё отмечено этой особой атмосферой. Чуда в Камергерском больше не происходит.

Кипуче энергичный, почти неизменно веселый, Табаков знает, для кого работает, знает соблазненных нынешним МХАТом «малых сих». И уже народилась своя зрительская генерация — дети новых русских.

План нынешнего сезона многообещающ: Шекспир, Распутин, Метерлинк и грядущее 70-летие Олега Павловича. Но даже «Синяя птица», которую собираются поставить заново, вряд ли сможет изменить сложившуюся картину.

Уготованный в гении, владеющий всеми жанрами и амплуа, восхитительный артист Табаков так и не освоил единственную роль — духовного лидера, за которым авторитет высшей художественной истины.

...В день открытия сезона в Москве смывали кровь на «Рижской», в Париже ждали казни заложников, и вся планета могла видеть в Сети, как человек отрезает голову другому человеку. Какой театр нужен времени, превратившему трагедию в повседневность? Неужели такой, как нынешний МХАТ, оставляющий нас наедине с нашими бесплодными амбициями и убывающей душой? МН

ДОСЛОВНО

«...я вижу, что мы зашли очень далеко. Надо совершить какую-то очень большую, внутреннюю в нашей собственной душе работу... чтобы остаться по-прежнему свободными от... моды, от погони за радостями торжества, от... разгоревшихся мечтаний о полных сборах...»

«...вся моя общественная деятельность проникнута одним стремлением — очищения человека от того жестокого, от того озверелого, что он носит в себе как беспощадно дрянной дар природы...»

Театр... должен отзываться на благороднейшие течения современной жизни. Иначе он станет мертвым учреждением. Но между стремлением жить лучшими этическими или художественными идеями современной жизни и желанием отзываться на всё, что привлекает внимание общества — целая пропасть...»

В.И. Немирович-Данченко. Творческое наследие. Том 1